

Викторин Виктор Михайлович,

*к. ист. н., доцент кафедры восточных языков,
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия
e-mail: victvic@mail.ru , vignitor@gmail.com*

УДК 398.1 + 297.1 + 82-13 / 811.512.1

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ КУЛЬТ «СВЯТЫХ МЕСТ - “АУЛЬЯ” У ОСЕДАВШИХ КОЧЕВНИКОВ И У СЛУЖИЛЫХ ТАТАР - ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (ОБРАЗЫ ТУКЛИ - БАБА ШАШЛЫ - АДЖЕ́ И ӨРЭК (ОБРЕК, ҮРДӘК) – АДЖЕ́)

THE SACRED SITE ISLAMIC CULT OF “AULIYĀ” AMONG SETTLED NOMADS AND TATAR MIGRANTS IN SERVICE: THE LOWER VOLGA REGION (THROUGH IMAGES OF TOUKLI BABĀ SHASHLY - AJE AND OURYĀK - AJE)

Аннотация. В суфийском культе «святых могил» близ Астрахани важны образы Тукли-баба Шашлы-адже́, батыра, предка ногайских биев, и Өрэк (Үрдәк, Обрек)-адже́, чудотворца при целебном озере. Они дают основу для широких выводов и научных дискуссий.

Ключевые слова: региональный ислам, святые места, примогильный суфизм; культ “аулья”, «баба Тукли», «Өрэк-Утýный Дед», Ногайская орда, оседание кочевников, татарские миграции вдоль Волги, героический эпос, пернатость и защитная шерсть, чудодействование.

Abstract. In the vicinity of Astrakhan the Sufi cult of saint tombs (“Auliya”) has two worshipped images: Toukli Babā Shashly - Aje (Wild Haired Old Man), a batyr and the forefather of Nogai biys, and Ouryāk - Aje (Duck Old Man), a magician of a curative lake. They give the ground for scientific discussions and broad conclusions.

Keywords: regional Islam, sacred, holy places, Sufism of Tombs, “Auliya” cult; Saints, “Touklī Babā”, “Ouryāk-Duck Old Man”, Nogai Horde, nomadic sedentarisation, tatar migration along the Volga River, heroic epos, plumage, protective wool, wonder making.

Широко известный и многообразный на периферии исламского культурного мира (и канонической, и картографической) комплекс из ряда вероисповедных явлений: араб. “уалият”, “джауират”, “зийарат”, “каддис”, “машайх”, “рибат” и “тасаввуф”, “мазар”, “макам” и “машхад” («благословенность и ценность, собратство и сбор, соседство, статус, лидерство, паломничество, служение и духовный поиск, место погребения и почитания и др.») – приобрёл свой специфический вариант в Нижнем Поволжье. Перед нами весьма любопытное синкретичное явление бытового, традиционного и регионального понимания мусульманской религии (С.П. Поляков, Ю.М. Кобищанов, Д.Е. Еремеев, В.Н. Басилов и др.).

Это культ «праведных, святых могил» – т.н. “аулья” (араб. “эулие”, мн. ч. от “уали” – «приближённый, соратник, помощник»)¹. И такого рода почитаемых объектов в низовьях Волги было известно примерно до сорока [См.:6, с. 23 - 24, 42 - 43, 69 - 70 ; 11, 51 с.]. Установлен нами и более старый синоним “аулья” – “машаяк” (в ногайск. оформл., – “масаяк”), ныне сохранённый лишь в именах и названиях. Обычные титулы погребённых – “баба” («дед, старец») и “адже́” («праведник»); а иногда и оба вместе.

Структурно, в идейной концепции и общем ритуальном оформлении данного культа в нём ощутима основа того суфизма - дервишизма, в форме которого кочевые тюрки и принимали ислам. Но отражён именно низший по типу, прикладбищенский образец данной недогматической религиозной формы. Но прослеживается здесь же (Ср.: И. Гольдциер, Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов, А.Г. и И.А. Селезнёвы, Д.В. Марыксин, А.Б. Юнусова и др.) и субстрат предшествовавших древнетюркских верований, именно «тенгрианского» направления.

Так, среди легендарных и полULEГЕНДАРНЫХ проповедников этого вероучения в низовьях Волги (они представлены в числе “аулья”) – выходцы из «Туркестана», т.е. Средней Азии, позже – с Северного Кавказа. Некоторые почитаемые места продолжают традиции ислама в Золотой Орде, либо своей легендой «отсылают» к той эпохе. В отдельных случаях, можно предположить и доисламскую их древность.

1 Сложнейшие проблемы “святости” – особого выделенного качества – в Великих Ближневосточных религиях (как в их канонических, так и в неортодоксальных вариациях – наподобие исламского суфизма - дервишизма), а также и возможности почитания отд. реальных и легендарных персон, в данных кратких выступлениях и статье рассмотрены быть не могут

Но в сюжетах фольклора сложившегося вокруг почти каждого из «святых мест», прослеживается влияние (и / или сопутствие) героического эпоса – именно, мы подчеркнём это, кыпчакских народов. И среди последних – в первую очередь, издавна проживавших здесь групп ногайского происхождения.

Так, оформление целостной системы культа произошло после сер. XVI в., переселения к новой, российской Астрахани «юртовцев» (= нугайских татар), из состава Большой Ногайской орды, с р. Джайек (Яик, Урал). Сходные культовые проявления возникли при миграции в низовья рр. Волги и Ахтубы ногайцев - «карагашей», попавших в плен из враждебной России Малой Ногайской орды (в 70 - 80 - х гг. XVIII в.), затем последней группы туркмен с п/о Мангышлак (самый конец XVIII в.). В этот и последующий период данное почитание «подхватили» средневожские татары-переселенцы (на «Линейном», Кизлярском тракте – с 1788 г. основания их сёл) и, весьма активно, – букеевские казахи (после их перекочёвки сюда в 1801 г.).

Среди рассматриваемых, таких последовательно – почитаемых, образов выделяется “Баба Туклэс”, астр. “Тукли – баба Шашлы – аджэ”, поистине – «вездесущий святой из степи» (удачное выражение проф. И.А.-З. Тоган). На кладбище за городским пос. Мошаик в г. Астрахани – лишь одна из 2 - х его известных могил (вторая – в юж. Казахстане). Но и она столь же реальна («не кенотаф»!), поскольку тайком была вскрыта и перенесена стариками на 2 - 3 км восточнее, прим. в нач. 30-х гг. XX в., от строительства судоверфи [См., с деталями, в нашей, уже давней статье: 5, с. 50 - 61].

Это был, по преданиям, великий батыр и суфийский шейх, муж колдуньи («лебединой девы»), легендарный родоначальник династии ногайских биев (в этом качестве почитался князьями Урусовыми и Юсуповыми); жить он мог на рубеже XII - XIII вв. Потомки родственных семей мурз Урусовых и Жингуржиных (Ямгурчиевых), сохранивших ислам, но вступивших в сер. XIX в. в число здешних казаков - мусульман, как раз и живут на Мошаике (вост. выезд из г. Астрахани) и сейчас.

Известный этнограф, религиовед и атеист Н.М. Маторин застал могилу ещё на старом кладбище (их было два, вблизи) и записал местное предание, как противники утверждения ислама бросили батыра в огонь, и тогда «тело его чудесно обросло защитительной шерстью» [См.: 10, с. 88] (Ср. : “шашлы” – ног. «волосатый», “тукли” – «мохнатый, шерстяной»).

Но другая часть схожего эпического предания о птице-утке на волшебном озере, обернувшейся прекрасной девушкой, обнаруживается при “аўля” другом, не на восточной стороне, а в правобережье, за западными городскими кварталами, в т.н. «подстёпных ильменах». Целебными и, по рассказам, волшебными свойствами, солёной кроваво - красной водой обладает одно из таких озёр - ильменей (предельно глубокое и теперь небольшое – всего 100 кв. м; зимой оно не замерзает, но выпадения солей не даёт).

Существующие и сейчас на его берегу “аўля” именуется по-ногайски “Обрек – аджэ”, а по-татарски, на диалектах, “Урдэк – аджэ” («средний» вариант “Өрэк – аджэ” воссоздан нами. – В.В.). Известно вокруг много приданий о «говорящей утке», прилетавшей к старику на озеро.

Располагавшийся рядом аул Өш - Түбе (Иш - Тюбе) был со II -ой пол. XVIII в. центром администрации для полукочевой, этнически смешанной, ветви юртовцев – для «утар-алабугатцев» на калмыцкой границе. И именно последние семьи здешних «утар» были “муджаўыр” – зрителями за почитаемой могилой. Тетюшко-буинские татары были переселены по соседству, для службы на Линейный (Кизлярский) тракт, в 1788 г. и основали с. Курченко (ранее – Курочкино; татар. Каргузан - авыл). А самовольно созданное с. Янго -Аскер (Солдат-авылы) чембарских мишарей, прим. в 1830 г. без спросу покинувших службу в царской армии, в нач. XX в. полностью поглотило а. Өш - Түбе. С 70-х гг. “муджаўырами” стали янгоаскерские мишари.

Почитание могилы и её предание, как можно убедиться, несложно переходило от одних тюркских групп к другим². В прежние века, как допустимо уверенно полагать, такое происходило не раз. О «механизмах» такой трансляции – одна линия наметившейся научной дискуссии. Вторая, ещё более сложная, о символических волшебных представлениях, с нею связанной.

Нам в 2008-13 гг. пришлось твёрдо возражать исследовательнице из Турции башкирского происх., проф. ун - та в г. Стамбуле уваж. И.А.-З. Тоган - Валидй [Ср.: 7, с. 17 - 23 и 13, с. 44 - 47]. Привлекательный коллегой и до тонкостей. известный ей огузский героический эпос всё же сильно отличается от кыпчакского – как нет полного совпадения и в языках двух новотюркских общностей.

Так, приводимый проф. И.А.-З. Тоган корень <tü>, <tük> означает, по нашей аргументации, именно «шерсть, волос», а лишь затем «острое, тонкое пёрышко». И с птичьим «крылом» эти значения едва ли соотносятся.

Да, отмечено в эпосе огузов, что его герой, дед Коркут, происходит «из птичьего рода». Но женский персонаж кыпчакского эпоса «Сорок батыров» мог лишь колдовским путём обращаться в птицу. А старец из “аўля” обозначался «утыным» лишь оттого, что с такой девой - птицей общался. Астраханское предание о «защитительной шерсти» (для проф. И.А.-З. Тоган, очевидно, незнакомое) всё же качественно иное – скорее,

2 Сюжет тюркских миграций сюда, на эти пространства, с отражениями в языках и диалектах, подробно рассмотрен в 1969 - 99 гг. заслуженным деятелем науки России и Татарстана, уваж. проф. Леонидом Шайсултановичем Арслановым из г. Елабуги, отражён во многих его публикациях. Автор статьи и доклада неоднократно и интересно, к исключит. пользе для изучения, обсуждал с ним отд. аспекты избранной здесь темы

брутального, а не «пернатого» образца.

В любом случае, совершенно вопреки ортодоксальному исламу, под суфизмом-дервишизмом мы несложно обнаруживаем этнически-тюркские фольклорные образы и сюжеты. Это и обеспечивало популярность персонажей у всех волн переселенцев – тюрок в низовьях Волги.

Итак, перед нами – адаптированный в этнокультурах, поэтапно складывающийся, несколько раз переосмысленный в народном сознании культ, аналогичный среднеазиатским “мáзарам” и могилам мюридских “шэйхов”, “пúров” на Северном Кавказе. Иногда их персонажи «смыкались» в низовьях Волги. Здешний феномен «святых праведных могил» вокруг и вблизи г. Астрахани, интересен и своеобразен; он продолжается, видоизменяясь, и десяток “ауля” посещаются и активно почитаются паломниками.

Появились первые подробные исследования по данной теме, как и намечились творческие дискуссии. Дело – за дальнейшим тщательным изучением всего комплекса явлений и отдельно каждого из них

Литература

1. Togan I. Baba Tüktü Şaşti Aziz Üzerine Düşünceler (Some notes on a 'Hairy' Saint) // Türk Kültüründe Ayrıntılar: Saç Düzenlemesi. İstanbul: Kitabevi Yayınları. 2004. – S. 459-473
2. DeWeese D.A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park: The Pennsylvania State University Press. 1994. – 638 p.
3. Байбосынов К.Б., Мустафина Р.М. Новые сведения о казахских шаманках // Новое в этнографии (Полевые исслед.). Вып. I / Ин - т этногр. им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука. 1989. – С.70 - 79
4. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука. 1992. – 327 с.
5. Викторин В.М. Тукли - баба Шашлы - адже – святое место астраханских мусульман (памяти В.Н. Басилова) // Этнографич. обозрение. 2003. – № 2. – С. 50 – 61.
6. Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе (серия «Ислам в России») / МИОН. Под ред. проф. А.В. Малашенко. – М.: Логос. 2008. – 96 с.
7. Викторин В.М. Образ “Тукли – баба (Баба Туклеса)” а эпосе и ритуалах тюрок – кыпчаков: астраханский культ “ауля” и этнические варианты суфийского ислама (две научные версии) // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. Сб. научн. ст. (серия «Этнологич. исследования по шаманству и традиц. верованиям и практикам». Т. 15, ч. II). По мат. М/н. конф. памяти В.Н. Басилова. М.: [Ин-т этнол. и антропол. им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН]. 2013. – С. 17 - 23
8. Викторин В.М. Персонажи преданий и ритуалов у тюрок Астраханского края и ногайский героический эпос // Ногайлы жырлары және Мұрын жырау феномені. Халықаралық ғылыми – практикалық конференция жинағы (Ақтау қ., 8 желтоқсан 2014 ж.) – Ногайские эпосы и феномен Мурын - жырау. Сб. М/н. научно - практич. конференции. Научн. ред. проф. Б.И. Нурдаулетова. –Ақтау: Каспийский гос. ун - т ТиИ им. Ш.Е. Есенова. 2014. – Б. 181 - 186
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос (Избранные труды). –Л.: Наука. 1974. – 727с.
10. Маторин Н.М. Религия у народов Волго - Камского края прежде и теперь (язычество - ислам - православие - сектантство). М.: Изд - во об - ва “Безбожник”. 1929 – 176 с.
11. Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: [К.-Ч. Ин - т гуманитар. исслед - ний]. 1994. – 326 с.
12. Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края: историко-этнографич. очерк. Астрахань: Издат. дом «Астрахан. ун - т», 2006. – 51 с.
13. Тоган - Валидү И.А.-З. Вездесущий святой из степи: Торе Баба Тюкляс (Религиоведение) // Панорама Евразии. Журнал. № 1 (1). Уфа: [Ин - т гуманитар. исслед - ний АН РБ]. 2008. – С. 44 - 47.